

Раньше Старшая госпожа Ма терпеть не могла Гуай-цзая. Она и слова доброго ему никогда не говорила, а стоило ей бросить на ребёнка случайный взгляд, как она тут же кривилась, будто увидела нечто омерзительное. Самыми мягкими словами, которые слетали с её губ в адрес малыша, были «выродок» и «паршивый ублюдок».

Когда такие люди внезапно меняют гнев на милость — жди беды.

Лицо Чжао-гэра потемнело.

— С чего это она вдруг разоткровенничалась с тобой?

В деревню изредка заглядывали разносчики. В их коробах можно было найти всё что угодно: нитки, иголки, сушёные припасы, молодняк птицы и, конечно же, детские лакомства — леденцы, сахар и жареный арахис.

Дети обожали сладости и прекрасно знали: чтобы получить заветный леденец, нужны деньги. В деревне находились смельчаки, которые ловили змей или добывали дичину на продажу, но они всегда старались делать это подальше от детских глаз. Все боялись, что ребяшня, не зная меры и опасности, полезет повторять за взрослыми.

Фан Цзычэнь иногда давал Гуай-цзаю пару вэней в качестве награды. Чжао-гэр ворчал, мол, зачем такому крохе деньги, на что Цзычэнь со смехом отвечал:

— Как это — у мужчины и ни гроша в кармане? Как он тогда будет заигрывать с девчонками или гэрами?

Пару дней назад в деревню как раз заглянул торговец. Он разложил товар на току, и Гуай-цзай прибежал туда вместе со всеми. Малыш встал на цыпочки, пытаясь заглянуть в глубокую корзину разносчика.

Другие дети тянули родителей за рукава, канюча и требуя купить сладостей. Солодовый сахар был нарублен мелкими кусочками размером с горошину — один вэнь за штуку. Ребяшня подняла такой галдёж, что некоторые родители сдались и полезли за монетами.

Гуай-цзай смотрел на них с нескрываемой завистью, но молча отступил в сторону. В его кармашке лежало несколько монет, но он берёт их и не решался потратить. Старшая госпожа Ма, заметив его, решила, что у мальчишки просто нет ни гроша. Не обращая внимания на его робкие попытки вырваться, женщина оттащила его в сторону и зашептала:

— Эй, сорванец, что, нет денежек? Хочешь сладостей? Хочешь сам заработать?

Гуай-цзай хотел сахара, но заработать денег ему хотелось куда сильнее. В его маленькой головке ещё не было места для взрослых подозрений.

Старшая госпожа Ма годами издевалась над ним: то била, то осыпала проклятиями. При виде неё малыш инстинктивно сжимался от страха, но он не мог понять, почему её отношение так резко изменилось. Он просто не умел так глубоко мыслить.

Женщина открыла склянку с лекарственным вином, которую только что купила у разносчика. По воздуху тут же разнёсся резкий, едкий запах.

Гуай-цзая едва не вырвало от этой вони.

Лицо Старшей госпожи Ма на миг исказилось, но она подавила раздражение. Ткнув пальцем в банку, где среди россыпи трав плавала огромная многоножка, она спросила:

— Знаешь, что это за зверь?

Гуай-цзай кивнул:

— Знаю.

— За него дают много денег, — доверительно сообщила она. — Разносчик скупает таких по девять взней за штуку! Если бы мне не надо было спину в поле гнуть, я бы сама в горы пошла их ловить.

Когда Гуай-цзай закончил свой рассказ, выложив всё как на духу, Чжао-гэра затрясло от ярости. Грудь Фан Цзычэня тяжело вздымалась.

«Твою ж направо... Опять семейка Ма. Снова эти твари»

Стоило ему на время притихнуть и перестать размахивать кулаками, как эти ничтожества снова осмелели. Решили, что могут безнаказанно рыть землю на голове Третьего молодого господина семьи Фан? Жить надоело?

Если он их не проучит, то Фан Цзычэнь может смело менять имя на Фан Гуйсунь — Черепаший Внук.

Цзычэнь плотно сжал губы, подавляя вспышку тёмной, почти первобытной ярости. Он хотел пойти и превратить эту старуху в калеку, но заставил себя успокоиться ради сына. Он крепко

обнял Гуай-цзя и серьёзно произнёс:

— Я часто называю тебя своим сокровищем и своей душой. И это не просто красивые слова. Ты и вправду моё сердце.

Глаза малыша всё ещё были красными, а на загнутых ресницах дрожали слёзы — он выглядел таким неприкаемым и обиженным, что у отца защемило в груди. Цзычэнь целовал сына снова и снова, чувствуя во рту горечь собственного бессилия.

— Человек не может жить без сердца. Пожалуйста, никогда больше не делай ничего опасного, хорошо? Многоножки ядовиты. Если бы она тебя укусила... Ты подумал, что стало бы с папой и со мной?

Только сейчас Гуай-цзя осознал всю тяжесть своего проступка. Ему было всего три года, но если объяснять ему всё терпеливо и спокойно, он был способен понять очень многое. Своими худенькими ладошками он обхватил лицо отца и тоже поцеловал его:

— Отец, не сердись. Гуай-цзя понял, что был не прав. Ловить зюков — это опасно, от этого можно уметь. Гуай-цзя больше не будет их тлгать.

Затем он потянулся к Чжао-гэру, обнимая его за шею:

— Целую папу. Папа тоже не будет больше злиться на Гуай-цзя, ладно?

— Ладно, папа больше не злится, — выдохнул Чжао-гэр, с трудом сдерживая гнев. Он не забыл добавить последнее предупреждение: — Но чтобы это было в последний раз. Ты ведь не хочешь, чтобы папа извёлся от тревоги?

— Угу! Гуай-цзя запомнил.

Казалось, на этом инцидент был исчерпан. Фан Цзычэнь больше не заговаривал об этом и, вопреки ожиданиям, не схватил палку, чтобы бежать к дому Ма и устраивать погром.

Малыш, получив свою порцию ласки, быстро повеселел и принялся с весёлым топотом носиться за отцом по двору.

Однако Чжао-гэр не мог так просто проглотить эту обиду. Пусть семья Ма сколько угодно поливает его грязью, пусть оскорбляет или даже бьёт — он бы стерпел. Но они посмели тронуть его сына.

До появления Фан Цзычэня Гуай-цзя был для него всем. Смыслом жизни, единственным светом в те годы, когда его бесконечно избивали и унижали члены семьи Ма. Он выносил его

под сердцем, он едва не отдал Богу душу, когда рожал его... Кто тронет его сына — тому он перегрызёт глотку.

В тот день Чжао-гэр вернулся домой после продажи кровяной колбасы. Смертельно голодный, он наскоро приготовил поесть, а затем вымел двор дочиста. Фан Цзычэнь был помешан на чистоте — обливался он потом или нет, но ванну принимал каждый вечер. Деревенские ханьцзы в этом плане делились на два лагеря: одни следили за собой, другие были замарашками. Многие после тяжёлой работы просто мыли ноги и заваливались в постель, а одежду меняли раз в три дня — и из лени, и из экономии, чтобы ткань не застирывалась до дыр.

У Цзычэня было всего три смены одежды. Вчерашний комплект всё ещё лежал нестиранным. Велев Гуай-цзаю ждать дома, юноша отправился к реке. Он уже почти закончил стирку, когда на берегу появилась Старшая госпожа Ма.

В этот час у воды никого не было, места хватало на всех, но женщина демонстративно пристроилась рядом с гэрмом. Она с ожесточением колотила вальком по белью, так что брызги летели во все стороны, заливая одежду Чжао-гэра. По привычке она принялась бормотать едкие колкости, метая громы и молнии в пустоту, но явно целясь в соседа. Раньше юноша просто пропустил бы это мимо ушей или ответил парой сухих фраз, но сейчас плотину прорвало.

Как говорил Фан Цзычэнь: «Обидеть пару человек или совершить несколько ошибок — это не страшно. Страшно прожить всю жизнь, проглатывая обиды и дрожа от страха».

Столкнувшись с несправедливостью, слабый ищет мести, сильный — прощает, а мудрый — игнорирует. Чжао-гэр не знал, к какой категории он относится. Он не был ни сильным, ни мудрым. Он просто защищал своё.

Юноша скользнул взглядом по мокрым пятнам на своей рубахе и прямо спросил:

— Это ведь ты намеренно подговорила моего сына пойти в горы за ядовитыми тварями?

— Мразь... Не смей напраслину возводить! — Старшая госпожа Ма забежала глазами. — Стирай да проваливай, глаза бы мои тебя не видели, окаянный.

Она чувствовала свою вину, поэтому голос её непроизвольно сорвался на крик.

Из-за слов Фан Цзычэня Ма Вэнь не просто опозорился перед всей деревней — он был раздавлен. В свои двадцать с лишним лет он не видел жизни и не умел справляться с неудачами. А Чжао-гэр, напротив, расцвёл. Он хорошо питался, а ласковые слова и забота

Цзычэня изменили его до неузнаваемости. Он больше не был тем угрюмым, молчаливым тенью. Теперь, когда Ма Вэнь случайно встречал его, гэр всегда улыбался. И чем лучше, чем нежнее он выглядел, тем больнее было молодому человеку. Ма Вэнь совсем опустился: бросил работу, целыми днями лежал в доме и в одиночку глушил горькое вино. Мать предлагала найти ему жену — он ни в какую. Твердил, что ему нужен только Чжао-гэр, а напиваясь, начинал звать его вслух. Старшая госпожа Ма была в отчаянии.

Раньше, когда Ма Вэнь был на хорошем счету и приносил деньги, невестки — госпожа Ли и госпожа Сунь — заискивали перед ним. Теперь же, когда он перестал работать, да ещё и тратил по тридцать-сорок вэней в день на выпивку, их терпение лопнуло. Они начали строить козни, ворча на каждом углу, что в доме не место бездельникам. Мол, раз не работаешь в городе, иди в поле, а не валяйся барином. Они не выбирали выражений, и каждое их слово жалило Старшую госпожу Ма.

В деревне женились рано, в пятнадцать-шестнадцать уже всю присматривали пару. Те, кто оставался один после двадцати, обычно просто не могли найти себе хоть кого-то.

Ма Вэнь всегда любил Чжао-гэра. Стоило родителям заикнуться о свахе, как он впадал в ярость, поэтому они и отступили. Им казалось, что такой завидный жених всегда успеет жениться — были бы деньги, а молодые девицы сами в очередь выстроятся. Но теперь Ма Вэнь потерял работу. Старшая госпожа Ма тайком от сына ходила к свахе, но ничего не вышло. Невесты воротили нос: жених казался им слишком старым, а репутация его шумной семейки отпугивала любого.

Сваха деликатно намекнула: в таком возрасте Ма Вэню легко найти вдову, но если он хочет молоденькую шестнадцатилетнюю девушку, придётся раскошелиться на очень богатый выкуп. Иначе — никак.

Старшая госпожа Ма мечтала о внуках и хотела для сына «чистую» невесту. Она души в нём не чаяла, считая лучшим из мужчин. Какие там вдовы?! Тьфу, оскорбление одно!

Ма Вэнь топил горе в вине, а его мать, не смея злиться на сына, изливала всю желчь на Чжао-гэра. Она считала его лисой-оборотнем, проклятием, источником всех бед.

Подговорив Гуай-цзая, она поначалу испугалась, но когда Фан Цзычэнь так и не явился к ним с разборками, страх сменился наглостью.

Чжао-гэр усмехнулся, нанося удар в самое больное место:

— Я — мразь? А кто тогда твой сын? Он ведь на коленях передо мной ползал! Умолял вернуться, обещал бросить вас, отделиться от семьи и жить отдельно.

— Быть того не может! — взывала Старшая госпожа Ма.

В глазах юноши вспыхнула неприкрытая насмешка:

— Отчего же? Мне тебя даже жаль. Двое детей, и оба... Один не уберётся — утонул, а второй тебя знать не хочет. Скажи, каково это? По-моему, очень прискорбно.

Эти слова стали последней каплей. Женщина, точно бешеная собака, отбросила валёк и бросилась на Чжао-гэра. Она повалила его, успев вlepить звонкую пощёчину:

— Тварь! Заткнись! Заткнись немедленно!

Чжао-гэр поначалу опешил, но быстро пришёл в себя. Оказавшись под ней, он не стал миндальничать и принялся остервенело бить её в живот.

Пусть он был гэрром, и сил у него было меньше, чем у мужика, но он всё равно был крепче любой деревенской бабы. Вся ярость, копившаяся в нём днями, вырвалась наружу. Он бил, не видя ничего перед собой от гнева.

Старшая госпожа Ма задыхалась от боли, её тошнило, а удары — тяжёлые, точные — сыпались один за другим.

Она дралась по-бабьи: пыталась щипаться, тянула за волосы, рвала одежду. Гэр, кроме той первой пощёчины, отделался лишь несколькими глубокими царапинами на шее.

Спустя пару минут на крики прибежали люди. Дерущихся растащили. Старшая госпожа Ма, согнувшись пополам и держась за живот, едва стояла на ногах, испепеляя Чжао-гэра ненавидящим взглядом.

<http://bllate.org/book/15357/1437030>